Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-1-160-164>

Уголовно-процессуальные запреты и их роль в становлении меры пресечения в виде запрета определенных действий

Тимошкина Виктория Андреевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, viktorya.tim@mail.ru

Аннотация. Необходимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе требует особого внимания и индивидуального подхода при каждом случае применения в отношении участника уголовного судопроизводства запрещающих норм (запретов). Цель научной статьи состоит в анализе возникновения запретительных норм (норм-запретов) и их роли в становлении меры пресечения в виде запрета определенных действий, что послужило оптимальным условием для гуманизации уже имеющейся системы мер пресечения.

Методологической основой научной статьи послужили частно- научные методы (анализ, синтез и обобщение) и специальный метод — юридико-технический. Для более детального анализа были изучены нормативные акты российского законодательства; материалы следственно-судебной практики в части избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий как одного из проявлений частного правового запрета в уголовном процессе.

Автор пришел к выводу о необходимости дополнительной регламентации отдельных пунктов-запретов и включении в понятийный аппарат меры пресечения в виде запрета определенных действий положений, имеющих технико-юридический характер, что позволит сформировать принципиально новый взгляд на уже имеющуюся систему мер пресечения.

Ключевые слова: уголовный процесс, механизм уголовно-процессуального регулирования, уголовно-процессуальные запреты, меры пресечения, запрет определенных действий

Для цитирования: Тимошкина В. А. Уголовно-процессуальные запреты и их роль в становлении меры пресечения в виде запрета определенных действий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 160—164 . <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-1-160-164>.

Original article

Criminal procedural prohibitions and their role in the formation of a preventive measure in the form of a ban on certain actions

Victorya A. Timoshkina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, viktorya.tim@mail.ru

Abstract. The need to respect the rights and freedoms of a person and a citizen in criminal proceedings requires special attention and an individual approach in each case of application of prohibitive norms (prohibitions) against a participant in a criminal process. The purpose of the scientific article is to analyze the emergence of prohibitive norms (norms-prohibitions) and its role in the formation of a preventive measure in the form of a ban on certain actions, which served as the optimal condition for humanizing the existing system of preventive measures.

The methodological basis of the scientific article was private scientific methods (analysis, synthesis and generalization) and a special method — legal and technical. For a more detailed analysis, the normative acts of the Russian legislation were studied; materials of investigative and judicial practice in terms of choosing a preventive measure in the form of a ban on certain actions as one of the manifestations of a private legal prohibition in criminal proceedings.

The author came to the conclusion that it is necessary to additionally regulate individual prohibition clauses and supplement the conceptual apparatus of a preventive measure in the form of a ban on certain actions of a technical and legal nature, since this will allow forming a fundamentally new look at the existing system of preventive measures.

Keywords: criminal process, mechanism of criminal procedure regulation, criminal procedural prohibitions, preventive measure, prohibition of certain activities

© Тимошкина В. А., 2023

For citation: Timoshkina V. A. Criminal procedural prohibitions and their role in the formation of a preventive measure in the form of a ban on certain actions. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no.1 (61), pp. 160—164. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-1-160-164>.

С прогрессивным развитием примитивных форм существования человечества и возникновением государства остро встал вопрос о необходимости регулирования общественной жизни. Еще с древности упоминалось о том, что в основе регулирования общества и социального порядка лежат неписанные правила, постепенно трансформирующиеся в обычаи и табу. С помощью закрепления ограничений и ряда правил, применяющихся ко всем членам общины, появляется индивидуальная ответственность, с возложением «контролирующих» функций на законодательный орган.

Правовому запрету уделялось достаточное количество внимания выдающимися теоретиками советского времени. Вызывает неподдельный интерес позиция С. С. Алексеева, который считает запреты «выходцами» моральных норм, обладающих юридическими последствиями и юридической интерпретацией, поскольку они нацелены на наступление ответственности, предусмотренной законодательством [1, с. 117], то есть юридические запреты находят свое отражение в виде правовых средств, предопределяющих поведение лица. Рассмотренная позиция автора помогает нам определить запрет как средство обеспечения законности и поддержания порядка в обществе и государстве в целом.

Современная юридическая наука характеризуется многообразием юридических средств и элементов механизма правового регулирования. Общее количество запретов в законодательных нормативных актах Российской Федерации достаточно велико, что требует их надлежащей научной классификации. Универсальным, применимым к доктрине уголовного процесса является мнение А. Г. Братко, который указывал: «запрет налагает на лицо обязанность воздерживаться от противоправных действий, поэтому содержание конкретного пункта-запрета указывает на ту модель поведения, которая неприемлема для участника уголовного судопроизводства, с точки зрения интересов общества и государства» [2, с. 10].

Нормы уголовно-процессуального права пронизаны императивными предписаниями, предопределяющими сферы уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения юридической техники. Они проявляются как в непосредственном использовании слов «запрет»,

«запрещается», «не допускается», «не может», так и в опосредованных формулировках «не в праве», «не является», «не иначе как», «если не оговорено иное» и «является обязательным». Подразумевается, что запрет служит неотъемлемым гарантом правопорядка в общественных отношениях, то есть участнику уголовного судопроизводства диктуется дозволенная модель поведения, предусмотренная мерой пресечения или наказания, а недопустимые запрещаются.

Прежде всего, необходимо упомянуть об императивных, запрещающих нормах, которые занимают важное место в системе норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регулирующих права и законные интересы участников уголовного процесса. Многие международные правовые акты содержат запреты, которые практически дублируются в российском законодательстве. Так, Всеобщая декларация прав человека в статье 12 констатирует запрет на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, тайну корреспонденции, что продублировано в части 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации и, если обращаться к уголовно-процессуальному законодательству, в статье 13 УПК РФ. Аналогичной позиции придерживается И. А. Насонова и С. С. Халимоненко, подчеркивая важность и преобладание запретов в уголовно-процессуальном праве [3, с. 182].

Примером норм-запретов в уголовном судопроизводстве, направленных на охрану и защиту прав и свобод человека на досудебных стадиях, служит запрет на унижение человеческого достоинства при производстве следственных и иных действий (ч. 2 ст. 9 УПК РФ); запреты, регулирующие справедливое и законное рассмотрение уголовных дел (ч. 1 ст. 7 УПК РФ). Непосредственным запретом при избрании мер процессуального принуждения служит запрет на применение одновременно двух мер пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Одним из проявлений правового запрета в уголовном процессе России является мера пресечения в виде запрета определенных действий, введенная в апреле 2018 года. Так, часть 6 статьи 105¹ УПК РФ предусматривает шесть пунктов-запретов, которые изложены законодателем по степени «суровости» ограничения прав и свобод подозреваемого / обвиняемого:

от запрета на выход из жилого помещения до запрета на управление автомобилем и иным транспортным средством [4]. Считаем, что правовая природа пунктов-запретов в рассматриваемой мере пресечения прямо указывает на необходимость придерживаться правомерного поведения в рамках примененного к подозреваемому / обвиняемому пункта-запрета. Вышеизложенное в первую очередь обуславливает его социальную необходимость при поддержании правопорядка в обществе.

Поэтому правовое воздействие пунктов-запретов проявляется в их ограничительной функции, когда избранный запрет ограничивает объем правоспособности участника уголовного процесса, не существенно ограничивая его социальную активность. В этой связи юридическая природа пунктов-запретов, по нашему мнению, определяется механизмом правового регулирования:

- 1) недопущение совершения противоправных деяний;
- 2) упрощение имеющейся системы мер пресечения (пунктов-запретов);
- 3) способ защиты и соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства (подозреваемых / обвиняемых).

Нормы-запреты, которыми руководствуются органы предварительного следствия при осуществлении процессуальных полномочий, позволяют неукоснительно соблюдать права и свободы человека и гражданина, поддерживая разумный «баланс» между частными и публичными интересами в уголовном процессе. В контексте рассматриваемой нами проблематики речь идет непосредственно о запретах, налагаемых на подозреваемого / обвиняемого, при избрании мер пресечения (в производстве по конкретному уголовному делу).

Выдающийся ученый-правовед О. С. Иоффе считал, что запреты могут быть всеобщими (общими) и специальными. Как правило, всеобщие запреты обязательны для соблюдения при всех условиях, а специальный запрет подлежит исполнению только при конкретной ситуации и в строго определенных условиях» [5, с. 16]. Считаем, что мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой специальный запрет, потому как применяется только к отдельной категории лиц (участникам уголовного процесса — подозреваемому / обвиняемому), а конкретные пункты-запреты — частные, поскольку носят комбинированный характер и могут применяться к подозреваемому / обвиняемому как по

отдельности, так и в совокупности с другими мерами пресечения.

Особое значение в исследовании приобретает рассмотрение истоков возникновения запрета определенных действий, поскольку отдельные пункты-запреты, указанные в части 6 статьи 105¹ УПК РФ, не являются новыми. Часть из них применялись при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в старой редакции УПК РФ (например, запрет покидать место жительства или пользоваться сетью «Интернет»). Аналогичной точки зрения придерживается и С. С. Чернова, констатируя, что запрет определенных действий является преобразованным домашним арестом [6, с. 109]. Полагаем, корреляционный характер системы запретов является положительным нововведением, поскольку данный фактор позволяет комбинировать отдельные ограничения подозреваемому / обвиняемому в каждом случае индивидуально.

Введение запрета определенных действий в отечественный уголовный процесс обусловило его применение как основной, так и дополнительной меры пресечения, в связи с чем запреты можно комбинировать исходя из критериев соразмерности и целесообразности конкретного ограничения с тяжестью совершенного деяния. Поэтому возникает вполне логичный вопрос: чем обусловлены условия содержания под домашним арестом, коррелирующие с дополнительными запретами на передвижение?

В качестве примера следует рассмотреть определение Конституционного суда Российской Федерации № 2121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой И. И. на нарушение ее конституционных прав ст. 107 УПК РФ». Так, гр. Х обвиняется в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ. В отношении нее была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста и установлен ряд запретов. В частности, ей запрещено покидать место жительства без уведомления следователя, общаться с участниками уголовного судопроизводства и использовать информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». При этом суд отклонил ходатайство стороны защиты о применении более мягкой меры пресечения в виде запрета определенных действий [9].

Полагаем, что домашний арест в совокупности с запретами, предусмотренными пунктом 6 статьи 105¹ УПК РФ, в данном случае чрезмерно ограничивает права и свободы гражданки К., поскольку домашний арест предусматривает полную изоляцию лица от общества, что

подразумевает прекращение выполнения трудовых и служебных обязанностей на время производства предварительного расследования. В связи с тем, что на иждивении обвиняемой находится несовершеннолетний ребенок и мать инвалид, считаем, что лишать заработка обвиняемому нецелесообразно. В том числе судебными органами отказано в предоставлении регулярных прогулок с отсылкой на тот факт, что не отпали основания для избрания домашнего ареста.

Логично предположить, что органами предварительного расследования и судом не в полной мере учтены особенности личности обвиняемой. Так, часть 4 статьи 159 УК РФ относится к категории тяжких преступлений, что является допустимым для применения запрета определенных действий, а также при ее избрании может быть устранен ряд коллизий. Запрет определенных действий допускает продолжение трудовой деятельности при уголовном преследовании в отношении лица, что позволяет содержать гражданке К. малолетнего ребенка, а также дает возможность на выход из жилого помещения для сопровождения ребенка в школу и иные учреждения. Вышеизложенный пример судебной практики свидетельствует об актуальной проблеме в виде отсутствия единообразного подхода к избранию меры пресечения и обоснованности конкретных запретов.

Также в трудах ученых регулярно отмечается, что в российском уголовном процессе перечень запретов, предусмотренных рассматриваемой мерой пресечения не нововведение в законодательстве [6, с. 110]. Принципиальной модернизацией является лишь «запрет на пребывание в определенных местах и ближе установленного расстояния к определенным объектам, посещение определенных мероприятий и участие в них» (п. 2 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ) и «запрет на управление автомобилем и иным транспортным средством» (п. 6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ).

Следует проанализировать один из проблемных пунктов-запретов, предусмотренный пунктом 6 части 6 статьи 105¹ УПК РФ. Процедура его реализации состоит в изъятии и приобщении водительского удостоверения к уголовному делу следователем (дознавателем). В правоприменительной практике отмечается, что запрет, предусмотренный пунктом 6 части 6 статьи 105¹ УПК РФ может быть избран лишь в тех случаях, если трудовая деятельность лица не связана с управлением транспортными средствами, в ином случае обвиняемый или подозреваемый будет лишен заработка (работы) на срок наложения этого запрета.

В дальнейшем эта мысль получила свое развитие в труде М. Ю. Юсупова и Е. Г. Ларина, который полагают, что запрет на управление транспортным средством требует доработки законодателем, поскольку нельзя быть уверенным, что без должного контроля лицо будет соблюдать ограничения, установленные законодателем [7, с. 37; 8, с. 47]. Соглашаясь с мнением ученых, дополнительно можно отметить особенности содержания пункта 11 статьи 105¹ УПК РФ, где указан исполнительный орган, осуществляющий функции по контролю за исполнением пяти запретов настоящей статьи, а также отсылка на условия использования электронных и иных технических средств контроля, обеспечивающих исполнение данной меры. Однако орган, на который возлагаются функции по осуществлению контроля за исполнением запрета на управление транспортным средством, отсутствует, что является одним из пробелов в правовом регулировании.

На основании вышеизложенного, возникает спорная ситуация, решение которой, по нашему мнению, состоит в *применении данного запрета по аналогии с иной мерой процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности. В части 6 статьи 114 УПК РФ, предусмотрено право подозреваемого или обвиняемого на ежемесячное пособие, выплачиваемое в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 131 УПК РФ.* Если источник заработка лица сопряжен с использованием транспортного средства и является единственным видом заработка в семье, то целесообразно выплачивать ежемесячное денежное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что роль норм-запретов в становлении меры пресечения в виде запрета определенных действий привело к образованию целостной, самостоятельной нормы, которая позволяет справедливо дифференцировать степень ограничения прав и свобод подозреваемого / обвиняемого при комбинировании отдельных пунктов-запретов. Полагаем, что данная мера пресечения в законодательстве образует положительный фактор: применение одновременно запрета определенных действий в совокупности с мерой, не имеющих эффективных рычагов воздействия (например, залога) позволит правоприменителю оптимально ограничивать права и свободы лица, соблюдая при этом «баланс» публичных и частных прав.

Кроме того, для эффективного использования в практической деятельности рассматриваемой

меры пресечения необходимо дальнейшее усовершенствование отдельных пунктов-запретов путем приведения правоприменительной практики к единообразному подходу.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва: Юрид.лит., 1989. 286 с.
2. Братко А. Г. О правовых запретах в социалистическом обществе // Проблемы теории социалистического государства и права. Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1977. С. 84—85.
3. Насонова И. А., Халимоненко С. С. К вопросу об уголовно-процессуальном запрете // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 4. С. 181—186.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ: в ред. от 14 июля 2022 года // Собрание Законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I, ст. 4921.
5. Иоффе О. С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. Москва: Юрид. лит., 1964. Вып. 36. С. 10—51.
6. Чернова С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2018. № 3 (45). С. 102—110.
7. Юсупов М. Ю. Изменения в системе мер пресечения // Администратор суда. 2018. № 2. С. 35—39.
8. Ларин Е. Г. Запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством (п. 6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ): законодательство, практика применения // Уголовно-процессуальные проблемы расследования уголовных дел, подследственных органам внутренних дел: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 45—49.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коленцевой И. И. на нарушение ее конституционных прав ст. 107 УПК РФ: определение Конституционного суда Российской Федерации от 30 сентября 2021 года № 2121-О. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30092021-n-2121-o/> (дата обращения: 30.06.2022).
10. Радько Т. Н. О роли запретов в правовом регулировании // Труды ВСШМ МВД СССР. Волгоград, 1969. Вып. 1. С. 87—98.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 07.10.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 05.03.2023.

References

1. Alekseev S. S. General permits and general prohibitions in Soviet law. Moscow: Legal lit. Publ. 1989. 286 p. (In Russ.)
2. Bratko A. G. On legal prohibitions in a socialist society. Problems of the theory of the socialist state and law. Moscow: the IGiP of the USSR Academy of Sciences Publ., 1977. Pp. 84—85. (In Russ.)
3. Nasonova I. A., Halimonenko S. S. On the issue of the criminal procedure ban. *Bulletin of the Supreme Court of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 181—186. (In Russ.)
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of July 14, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, part I, art. 4921. (In Russ.)
5. Ioffe O. S. Legal norms and human actions. *Actual issues of Soviet civil law*. Moscow. Issue 1964, pp. 10—51. (In Russ.)
6. Chernova S. S. A new measure of restraint in the criminal procedural legislation of the Russian Federation. *Legal science and law enforcement practice*, 2018, no. 3 (45), pp. 102—110. (In Russ.)
7. Yusupov M. Yu. Changes in the system of preventive measures. *Court administrator*, 2018, no. 2, pp. 35—39. (In Russ.)
8. Larin E. G. Prohibition to drive a car or other vehicle (clause 6, part 6, article 105¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): legislation, application practice. Criminal procedure problems of investigating criminal cases under investigation by internal affairs bodies: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020. Pp. 45—49. (In Russ.)
9. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen I. I. Kolentseva on violation of her constitutional rights, Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2121-O of September 30, 2021. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30092021-n-2121-o/> (accessed 30.06.2022). (In Russ.)
10. Radko T. N. On the role of prohibitions in legal regulation. Proceedings of the Supreme Council of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1969. Issue 1. Pp. 87—98. (In Russ.)